

Литературные ландшафты вокруг писательских дач С.Н. Сергеева-Ценского, И.С. Шмелева и К.Г. Паустовского в Крыму¹⁰

Literary Landscapes Around the Writer's Dachas of S.N. Sergeyev-Tsenskiy, I.S. Shmelev and K.G. Paustovski in the Crimea

MAXIM V. SKOROKHODOV, *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*

msk2002@rambler.ru

Received: July 19, 2022.

Accepted: December 8, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.22.25468>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются произведения С.Н. Сергеева-Ценского, И.С. Шмелева и К.Г. Паустовского, связанные с дачной тематикой и вызванные собственным опытом жизни на дачах. В прозаических произведениях этих авторов отразились особенности жизни в Крыму в первой половине XX в. Долше всех жил на даче в Крыму, в Профессорском уголке под Алуштой, Сергеев-Ценский, который еще в 1906 г. на приобретенном участке земли построил себе «мастерскую» и высадил деревья. С некоторыми утратами, пришедшимися на годы Великой Отечественной войны, эта дача сохранилась до наших дней. В статье рассматривается эпистолярное наследие писателя, его повесть «Павлин» и рассказы. Несколько лет — в тот период, когда Крым находился в эпицентре Гражданской войны, на даче недалеко от Сергеева-Ценского жил И.С. Шмелев, бывавший в Крыму и раньше. Основное внимание уделяется произведениям, написанным им с интервалом в 10 лет, — «Виноград» (1913) и «Солнце мертвых» (1923), а также «Крымским рассказам». Если в первом из названных произведений характеризуется жизнь обитателей пансиона, то во втором — один из наиболее трагических моментов русской истории, когда идет разрушение всего миропорядка, уничтожаются традиционные устои. Также предметом анализа в статье становятся произведения К.Г. Паустовского, неоднократно жившего на крымских дачах, что нашло отражение в его творчестве, в том числе в «Повести о жизни». Литературные ландшафты сохраняются и становятся предметом изучения благодаря работе мемориальных музеев рассматриваемых авторов. За первую половину XX в. «крымский текст» претерпел существенные изменения, что было обусловлено судьбоносными для истории России событиями.

Ключевые слова: С.Н. Сергеев-Ценский, И.С. Шмелев, К.Г. Паустовский, дача, Крым.

ABSTRACT

This article examines the works of S.N. Sergeyev-Tsenskiy, I.S. Shmelev and K.G. Paustovsky related to dacha themes and evoked by his own experience of living in dachas. In the prose works of these authors reflected the peculiarities of life in the Crimea in the first half of XX century. The longest lived in the Crimea dacha (in the Professor's Corner near Alushta) Sergeyev-Tsenskiy, who as early as 1906 on an acquired plot of land built himself a "studio" and planted trees. With some losses during the Great Patriotic War, the dacha survived to this day. The epistolary heritage of the writer, his novella "Peacock" and short stories are examined. Some years – the period when the Crimea was in the epicenter of the Civil War, in the dacha near Sergeyev-Tsenskiy lived I.S. Shmelev, who used to come to the Crimea before. The focus is on works written at an interval of 10 years — "The Grapes" (1913) and "The Sun of the Dead" (1923), as well as "Crimean Tales". While the former deals with the life of the boarders, the latter describes one of the most tragic moments in Russian history, when the entire world order is being destroyed

¹⁰ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

and the traditional foundations are crumbling. The works of K.G. Paustovsky, who repeatedly lived in the Crimean dachas, are also considered, which is reflected in his works, including the "Tale of a Life". Literary landscapes are preserved and made the subject of study through the work of memorial museums of the authors in question. During the first half of the XX century the "Crimean text" underwent significant changes, which was due to the fateful events in the history of Russia.

Keywords: S.N. Sergeev-Tsensky, I.S. Shmelev, K.G. Paustovsky, dacha, Crimea.

В прозаических произведениях С.Н. Сергеева-Ценского, И.С. Шмелева и К.Г. Паустовского отразились особенности жизни в Крыму в первой половине XX в. Целью данной работы является выявление общих подходов рассматриваемых авторов к литературному ландшафту Крыма, формировавшемуся в русской литературе с начала XIX в., и эволюции «крымского текста».

На рубеже XIX–XX вв. Крым становится одним из наиболее востребованных мест для дачного строительства. Об этом свидетельствуют бесплатно распространявшиеся «Новейшие путеводители по Крыму», в которых содержалась, в частности, информация о «лучших дачах», в том числе пансионах с большим числом «с комфортом обставленных комнат» (Новейший путеводитель по Крыму, 1912, с. 114), об имевшихся на некоторых дачах библиотеках, о конторах, в которых можно было получить подробную информацию о найме дач. В то время Крым был связан железной дорогой с Санкт-Петербургом, Курсом, Харьковом и Москвой. Это обеспечивало достаточно комфортный и быстрый проезд в Крым, чем и пользовались все более многочисленные владельцы и арендаторы дач, их родственники и друзья, а также наемные работники. Узловой железнодорожной станцией был Симферополь, откуда можно было уехать по железной дороге в Феодосию, Керчь, Бахчисарай и Севастополь, а по шоссе на автомобилях или экипажах — в Евпаторию, Феодосию, Ялту, Алушту и другие города. По морю в Крым можно было легко добраться из Одессы и других черноморских городов. Описание дороги из Центральной России в Крым и обратно включается в произведения того времени, например, в рассказ И.С. Шмелева «Виноград» (1913).

В Крыму в целом ситуация с дачным строительством была близка к той, которая описана исследователями применительно к Симеизу: «среди <...> покупателей были в основном жители центральной России, которых можно условно отнести к формировавшемуся “верхнему среднему классу” поздней императорской России: инженеры путей сообщения, военные, промышленники, предприниматели, деятели науки, образования, культуры и искусства. Помимо дворян, среди них были выходцы из городских обывателей (купцы, мещане), зажиточных крестьян, представители духовного сословия. <...> Обустраивались сады и парки, формировалась культурная программа приморского времяпрепровождения: музицирование, игра в теннис, посещение домашних салонов, походы на природу» (Карагодин, 2020, с. 569).

Крымские дачи, как, впрочем, и дачи, существовавшие в других районах Российской империи, а затем и в СССР, можно разделить на две группы. Это дачи, находившиеся в собственности: человек покупал понравившийся ему участок, строил дом, благоустроив окружающее его пространство, создавая культурный ландшафт. Здесь он часто проводил с родными и друзьями значительную часть года. Также была распространена аренда дач или отдельных комнат (домиков), часто с пансионом, когда

для постояльцев готовили пищу повара. Дачу или ее часть можно было снять на любое время, при этом нередко в течение сезона и на следующий год арендаторы менялись. Оба варианта дачной жизни нашли отражение в «крымском тексте», что мы покажем в дальнейшем.

При рассмотрении литературных ландшафтов Алушты мы учитываем историю формирования курорта, поскольку в художественных произведениях отразились быт и нравы местных жителей, дачников и отдыхающих. Население Алушты, в 1902 г. преобразованной в город, а еще за полвека до этого населенной преимущественно татарами, росло прежде всего за счет дачников; здесь были дачи (в т. ч. имевшие собственные названия — «Дивная», «Голубка», «Ривьера», «Модерн», «Орлиное Гнездо»), имения (как правило, у них была значительно большая территория, чем у дачи), пансионы, пристани, гостиницы, купальни, конно-почтовая и автомобильная станции (Краснолуцкий, 2020, с. 866). «Дачный топос» поддерживали топонимы — Садовые улица и переулок, улицы Фонтанная и Набережная. Позже появились Платановая, Парковая и Береговая улицы, Морской и Каштановый переулки. Литературный ландшафт представлен в настоящее время улицей Сергеева-Ценского, на которой жил писатель и где в доме 5 расположен посвященный ему музей (раньше — улица Горная, позже — Горнорабочих).

Старая центральная часть города начала XX в. — расположенные преимущественно близко друг к другу татарские домики. Берега рек Демерджи и Улу-Узени по большей части были заняты «фруктовыми садами и виноградниками, среди которых разбросаны большие и красивые дачи, окруженные кипарисовыми и другими растениями, свойственными Южному берегу» (Краснолуцкий, 2020, с. 868). В Профессорском уголке, в котором сосредоточились уединенно расположенные дачи, селились преимущественно деятели науки и культуры; в советские годы эту территорию стали называть Рабочим уголком.

Среди писательских дач Крыма одной из наиболее старых является дача С.Н. Сергеева-Ценского¹¹: ее создатель и владелец прожил на ней с перерывами больше 50 лет. После смерти писателя при деятельном участии его вдовы создан мемориальный музей, который в 2022 г. отпраздновал свое 60-летие. Отметим, что Сергеев-Ценский участвовал в создании литературного ландшафта не только писательским трудом, но и физически, благоустраивая местность: «В 1906 году он навсегда поселился в Алуште, <...> построив свою писательскую мастерскую — дом в три комнаты с верандой. Много потрудился Сергеев-Ценский, чтобы превратить этот пустынный уголок в цветущий сад» (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, сс. 3–4). Площадь участка, который приобрел Сергеев-Ценский в урочище Хурда-Тарлы на склоне Орлиной горы, составляла 700 квадратных саженей (почти 32 сотки). «Участок оказался мало удачным: был перехвачен двумя оврагами, беден растительностью и водой, имел крутой наклон на юг, к морю; только местами были разбросаны кусты дубняка вперемежку с держидеревом» (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 61). Во время строительства дома Сергеев-Ценский снимал дачу по соседству.

¹¹ Напомним, что у Сергеева-Ценского был и опыт дачной жизни под Санкт-Петербургом — на даче «Казиночка» в Куоккале, недалеко от репинских «Пенат», где он тоже неоднократно бывал, находясь в дружеских отношениях с художником.

«...ранней весной, когда строители заканчивали последние работы, он целыми днями, с утра до ночи, выкорчевывал кустарник, вскапывал тяжелый грунт, возил на тачке землю из леса, сажал кипарисы и акации, груши и миндаль. Физически крепкий, напористый, он был неутомим в работе, как и его Антон Антоныч из “Движений”; он любил землю, любил украшать ее и возделывать, как Алексей Шевардин и Никита Дехтянский» (Шевцов, 1963, с. 105). В 1915 г. Сергеев-Ценский упомянут в числе землевладельцев — за ним числилась «дача, 0,29 десятины» (Краснолуцкий, 2020: 868). За высаженным у крутого обрыва виноградником владелец дачи оборудовал беседку, в которой любил работать. На этом месте он и похоронен. «Вдова писателя Христина Михайловна передала государству личные вещи, документы, библиотеку» (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 4).

Первым писателем, посетившим Сергеева-Ценского на его крымской даче (октябрь 1906 г.), был А.И. Куприн. Южную веранду он назвал «шагальной». Именно здесь Сергеев-Ценский, который жил в Крыму достаточно уединенно¹², встречался с читателями и журналистами.

Одним из украшений окрестностей дачи Сергеева-Ценского являлся обширный, площадью 11 десятин, виноградный сад «Позем» в урочище Кара-Балчик, принадлежавший сначала В.Я. Аргамаковой, а потом врачу Михаилу Николаевичу Коноплеву (Краснолуцкий, 2020, с. 987). Соседом Сергеева-Ценского был известный лесовод Николай Яковлевич Дахнов, живший в Алуште и обустроивший обширный сад и виноградники (Краснолуцкий, 2020, с. 986). После национализации здесь разместился один из корпусов дома отдыха им. Горького. Рядом с Сергеевым-Ценским находилась и дача Михаила Васильевича Игнатьева, погибшего при пожаре в собственном доме. Этот трагический случай нашел отражение в эпосе «Солнце мертвых» Шмелева: «Там теперь только скореженное железо, остовы кипарисов, черные головни. И витает, как бесприютная птица, беспокойный дух бывшего доктора. А уцелевшая оболочка — черепушка, осколок берцовой кости и пружины специального бандаж» (Шмелев, 1998а, с. 613). Как только потух пожар, останки дачи, как описывает Шмелев, растаскивают — кто что может.

Соседом Сергеева-Ценского, проживавшим на той же Горной улице, был также Дмитрий Иванович Тихомиров (1844–1915), редактор журнала «Детское чтение», автор многократно переиздававшегося «Букваря» и учебников, основатель русского земского училища «повышенного типа» в Алуште, построенного на его собственные средства. Тихомиров владел расположенными по соседству друг с другом дачами «Вилла роз» и «Красная горка». В 1907 г. у него побывал Шмелев, что нашло отражение в творчестве писателя. Так, в рассказе «Виноград» описывается поездка и жизнь в Крыму, в пансионе

¹² «На берег и в самоё Алушту я спускаюсь иногда раз в год, иногда раз в два-три года», — сообщал Сергеев-Ценский Н.И. Замошкину 26 мая 1927 г. (Хворова, 2018, с. 100).

Ср. с его же письмом В.В. Вересаеву от 23 февраля 1931 г.: «Я сейчас — единственный человек в Алуште, который не был затронут ни коллективизацией, ни раскулачиванием и являюсь как бы бельмом на глазу у всех».

В своем доме, который, кстати сказать, я строил 25 лет назад исключительно как мастерскую для писателя, и в котором есть и библиотека, и кабинет для работы, я живу с женой совершенно одиноко и отъединенно, абсолютно ни с кем не общаясь, — именно в предвидении такого образа жизни я и строил дом в 3-х километрах от Алушты, где я никогда не бываю» (Хворова, 2018, с. 117).

господина Винде «Морской берег», наемных работников — горничной Саши, повара Мартына Егоровича Форсенкова и Василия. Первая встреча с Крымом оставила у спутников неизгладимые впечатления.

«Винтами и петлями побежала вниз белая дорога на синее море, а оно яснило и вливалось в глаза. Влилось, — и никогда не уйдет теперь, хоть потеряй глаза, хоть уткнись в темный угол на весь век свой. Корыто ли с синькой увидит взгляд, к небу ли подымутся усталые глаза, — встанет оно, живое, и вольется в душу. Все целиком, огромное. Придет из-за тысяч верст и вольется. В снах придет теперь и вольется» (Шмелев, 1914, с. 62).

Постояльцев, приезжающих на отдых, встречает владелец пансиона Винд, «круглый и румяный, как колобок» (Шмелев, 1914, с. 63); рассказывает, что именно он создал на малопригодных для жизни землях прекрасное хозяйство: «площадки на горе, лесенки, кипарисы, миндаль!.. А что было? Пустырь, держи-дерево да кизил и всякая дрянь» (Шмелев, 1914, с. 63). В пансионе собрались представители разных сословий, отличающиеся характерами, особенностями поведения, достатком. В дальнем флигеле на горке поселился консервный фабрикант из Одессы, он «подымался в шестом часу, прогуливался по саду, отпивая глоточками из стаканчика, и потягивал надушенный за ночь горами воздух» (Шмелев, 1914, с. 66). Жили в пансионе бухгалтер, «белотелая вдова из Тамбова, день-деньской покупавшая чадры, шали и венецианские товары» (Шмелев, 1914, с. 66), и ее двоюродный брат; аптекарь из Конотопа, багюшка из Екатеринослава, учитель Дроздов из Воронежа, студент Бок, нотариус из Оренбурга, толстая докторша, заводчик Капустин с дочерьми, учительница в розовой кофточке, Кока в фуражке министерства финансов, лесничий из Минска. Обитатели пансиона, которых в период созревания винограда собиралось до 70 человек, непринужденно общались друг с другом — на открытой веранде «кушали чай и читали газетку», «на площадке играли в лаун-теннис» (Шмелев, 1914, с. 74). Одно из занятий, которое, объединяя гостей пансиона, развивало традиции русской усадебной культуры, — чтение вслух: «Учитель Дроздов знал много стихотворений, и его просили читать при луне, с подвальной площадки, откуда далеко видно. Он читал, сложив на груди руки и отвалившись в плетеном диванчике, а лунный свет заливал все, играл и в глазах, и на носочке палевого штиблета, и на зачесанной на косою пробор, слегка напомаженной голове» (Шмелев, 1914, с. 86). В течение летнего сезона «менялись в пансионе жильцы», но характерные типы оставались: «все были, как будто, те же» (Шмелев, 1914, с. 89).

С 1917 г. в Профессорском уголке начинает обосновываться Шмелев, имя которого неоднократно возникает в письмах Сергеева-Ценского 1922 г., адресованных В.В. Вересаеву. Шмелев 6 сентября 1917 г. приобрел в урочище Кара-Балчик у И.А. Машковцева земельный участок площадью 305 квадратных саженей (около 14 соток), однако строительство на нем не велось. Шмелев жил то на «Вилле роз» Тихомировой, то на даче Сергеева-Ценского. 19 мая 1920 г. Шмелев продал свой участок К.В. Жданову и в тот же день приобрел у А.Д. Соколовой участок площадью 488 квадратных саженей (22,2 сотки) в урочище Хурда-Тарлы, совсем недалеко от Сергеева-Ценского — улица Горная (ныне — Сергеева-Ценского), д. 3 (Краснолуцкий, 2020, с. 993). Рядом располагались «Вилла Анна» Ю. Цепелинского, «Вилла Марина» В.Н. Бекетова, дачи архитектора А.Н. Бекетова и Златопольского и др.

Размеренная и достаточно беззаботная жизнь в Крыму кардинально изменилась в конце 1910-х гг., когда территория полуострова стала местом наиболее ожесточенных боев Гражданской войны. 13 декабря 1919 г. Шмелев, проживавший тогда на даче вдовы Тихомирова, был свидетелем при оформлении ею завещания, в соответствии с которым все движимое и недвижимое имущество, включая «право литературной собственности», передавалось дочери (Краснолуцкий, 2020: 985). Однако спустя два с половиной года, 13 июля 1922 г., Декретом ВЦИК и СНК РСФСР дача «Ви́ла роз» была национализирована, в 1920–1930-е гг. здесь располагался дом отдыха им. Горького ЦК железнодорожников, а в 1941 г. при отступлении советских войск дача сгорела.

Если произведения первой половины 1910-х гг., посвященные дачной жизни, представляют разные типы постояльцев, раскрывают взаимоотношения между ними, то тексты 1920-х гг. рисуют картину бедствия, обрушившегося на страну, причем в Крыму катастрофические изменения прослеживаются наиболее четко.

В этом отношении особый интерес представляет произведение Сергеева-Ценского «Павлин». Его называют и повестью, и рассказом, однако первоначально оно задумывалось автором «как роман, который должен был иметь название “Хвост павлина”» (Хворова, Белоусова, 1999, с. 51). Произведение было опубликовано лишь однажды — в 1928 г., вскоре после написания, в журнале «Красная новь». Автор признавался: «...я в повести “Павлин” вывел Шмелева в лице художника, основного персонажа этой повести, а павлин достался ему вместе с небольшою дачкой, которую он приобрел, по соседству со мной, в 1920 г.» («Жизнь в основе своей серьезна», 2012, с. 105).

Действие произведения происходит в «маленьком крымском городке», на даче в котором после отъезда судьи Белошейкина в Севастополь, а затем в Стамбул остались доberman-пинчер Джин («его присвоил старый доктор Тщедушев») и павлин (его взял художник Лука Петрович Жемарин, сосед Тщедушева) (Сергеев-Ценский, 1928, с. 32). Но новые владельцы не только не могут стать защитниками своих подопечных, но в условиях голода и разрухи не в состоянии сохранить и свои жизни. Умирает жена доктора, а в ночь после ее похорон — и он сам. Оставшиеся после них вещи распределяют между собой соседи — остаются только «стены, двери и окна» (Сергеев-Ценский, 1928, с. 54).

В начале повествования художник, «маленький и бородатый, как гном», живописал павлина, объясняя жене, что его нужно непременно взять в дом: «Ведь это — палитра гениального мастера, палитра на двух ногах!.. Симфония красок!.. <...> Вот только тоскует, бедный, без самки тоскует... Ах, если бы к нему еще паву какую-нибудь достать» (Сергеев-Ценский, 1928, с. 33). Однако со временем у художника остается все меньше возможностей для творчества. Традиционный уклад, создававшийся усилиями многих поколений, деградирует. Так, один из соседей художника, Андрей Дармограй, «сторож довольно обширной дачи Петуньных», не только не охранял имущество уехавших в неизвестном направлении владельцев, но, напротив, жил тем, что «продавал вещи Петуньных: самовары, посуду, белье и мебель» (Сергеев-Ценский, 1928, с. 36).

В условиях голода павлин из райской птицы становится соперником человека в борьбе за выживание. Художник, заметив однажды, что павлин выклевывает завязи растущих у него огурцов, чуть было не удушил птицу, которая с той поры стала жить

самостоятельно. Распадаются и семьи: Афанасий Цекавый убивает свою жену Лизавету и вешается сам, другой сосед отправляется в степь, надеясь добыть пропитание, и остается там у некой вдовы. Теперь на горе все больше пустых домов. Единственное, на что они годятся, — стать строительным материалом для ремонта домов в центре городка. Для описи оставшегося имущества приезжает Гусиков, обладающий профилем и замашками Наполеона. «Много денег было у господина Петуньина: не знал, куда их девать!.. — рассуждает Гусиков. — Сад этот — куда он годится? На дрова. А до-ом... Крыша хороша на доме. <...> Вот мы эту крышу и снимем! <...> Крышу, просветы, полы подыдем... Кирпич из печей возьмем... А стены... черт с ними, пусть стоят» (Сергеев-Ценский, 1928, с. 60). Художник, которому для выживания нужен паек, присоединяется к описывающей имущество комиссии — теперь он тоже ходит по окраинам городка, определяя, какой из домов еще может принести пользу. Вскоре с горы уходят все обустроивавшие ее люди, последними покидают свой участок художник с женой.

«Гора опустела, — павлин остался» (Сергеев-Ценский, 1928, с.62). Лишь по вечерам приходил сюда после службы Лука Петрович. Однажды он разглядел в темноте нечто необычное, чему не мог найти объяснения. Позже стало понятно, что он видел, как филин сожрал павлина. С гибелью птицы окончательно рушится прежняя жизнь: обустроенное людьми пространство утрачивает черты цивилизации — остаются только руины и прежних дач, и прежней жизни.

Этот же павлин является персонажем эпопеи Шмелева «Солнце мертвых», написанной и опубликованной в 1923 г. в Париже. У Шмелева, потерявшего в Крыму сына, который был расстрелян, «крымский текст» еще более трагичный. Гибель дач и их обитателей становится для писателя символом гибели исторической России, символом утраты духовности, моральной деградации, наступлением голода и одичания. Гибнет мир, создававшийся трудами людей, гибнет все, что их окружает. Начинается новая эпоха, которую автор не приемлет.

Павлин в эпопее Шмелева занимает бесхозную дачку екатеринославской учительницы «Ясная Горка». Он столь же одинок, как и люди, лишённые привычной жизни. Как и люди, он пытается выжить: «Мой когда-то. Теперь — ничей, как и эта дачка. Есть же ничьи собаки, есть и люди — ничьи. Так и павлин — ничей.

Я не могу содержать его, роскошь эту. Он это понял и поселился на пустыре. Мы — соседи» (Шмелев, 1998а, сс. 1, 459). Павлин настойчиво, но безрезультатно долбит камень — заброшенную землю, становящуюся все более бесплодной. Павлин не приносит практической пользы владельцу, это райская птица, дарящая красоту, дающая возможность любоваться прекрасным. Но любоваться павлином в новой жизни некому — чувства утрачиваются, побеждает жестокость. Павлина убивают, как и корову Тамарку, как и владельцев дач. Все становится мертвым.

В «Крымских рассказах», написанных в 1936 г. в Париже, Шмелев вспоминает о времени, проведенном на даче Сергеева-Ценского. Так, рассказ «Крест» начинается с характеристики того времени:

«В то лето, первый год революции, я жил у приятеля в Крыму. По дорогам еще не грабили, в садах и на виноградниках шли работы, приезжие купались, катались под

балдахинами, езжали даже на пикники. В городке, внизу, наезжие неизвестные уже начали, правда, разогревать рыбаков и садовников — отбирать дачи у буржуев, но народ был мирный и трудовой, знавший копейке цену: дачку-то получить не плохо, да, пожалуй, про всех не хватит, и без драки не обойтись. <...> А наверху, где я жил, было совсем мирное житие» (Шмелев, 1998б, с. 119).

Описываются события, происходившие в тот период, когда рассказчик жил в небольшом домике, представлявшем собой одну комнату-студию на даче художника Семена Николаевича Пинькова, который в связи с начавшейся революцией завел стадо из полутора десятков коров, выстроил в версте от дачи коровник и домик доильщицам. Писал художник коров и молодую бабу с «коровьими глазами». «...она — сама жизнь, вечная правда жизни. Любит работу, радуется работе. Не знает ни скуки, ни ненависти, ни злости... и живет, как поет в ней жизнь» (Шмелев, 1998б, с. 124).

Первое, что видит рассказчик, вернувшись через год в Крым, — крест во дворе в память об этой молодой женщине, убитой зимой подобным дьяволу Гришкой-Ящером, служившим раньше на броненосце «Потемкин» и получившим в революцию какую-то должность во власти. Коров забрали, оставив одну, а осиротевшие малолетние дети — пятилетний Лялька и четырехлетний Степка — ждут возвращения из немецкого плена отца.

Развивает сюжет написанный в том же году рассказ «Екстрыга». Рассказчик по-прежнему живет на даче Пинькова, который совсем одичал и почти все время проводит на своей разгромленной ферме. Пастух-художник сопоставляет происходящие на его глазах события с библейскими временами. Но работать не может: «Искусство живет в тиши, когда поет и цветет душа» (Шмелев, 1999, с. 295). На смену немцам пришли большевики; наступала новая весна, приметы которой мастерски описаны Шмелевым: «Тихая весна стояла. Одинокие груши, остатки старых садов татарских, дымились в белом цветении по холмам, как робкие невесты. Хорошо пели зорями дрозды. Судаковская цепь золотилась на закате» (Шмелев, 1999, с. 295).

Следующий рассказ того же года, «Виноград», описывает время, когда в Крым пришли добровольцы. Пиньков стал еще более мрачным — теперь окончательно ясно, что мир совершенно переменялся. «Он и убийство Маши, работницы на ферме, рассматривал не как уголовный акт, а как проявление воплотившейся “похоти Зла”, царящей отныне в мире. Страшно не то, что молодую женщину, его Машу, хотел взять силой гнусный Гришка Марчук, матросишка-большевик и убил за сопротивление его хотению: страшно, что злая похоть повсюду воцарилась, задавила всю жизнь, и убийство на ферме — символ всеобщего убийства, как этот крест на веранде, стоявший на Машинной могиле и ныне замененный памятником, — не просто дубовый крест, который можно пустить на топливо, а Крест над погибшей Правдой» (Шмелев, 1998б, сс. 126–127). Трагедия художника в том, что «*Бывшие* глаза у меня вырваны... и душа выдрана» (Шмелев, 1998б, с. 127). Мечты, жизненные мечты человека безжалостно уничтожаются — и утрачивается смысл жизни. Пиньков рассказывает историю одного из дачников: «Старик Любач, Мартын Прокофьич, — просто русский человек, служил в береговой таможне, великими трудами скопил на усадьбу и насадил чудеснейший виноградник, — единственная, кажется, мечта всей жизни. Была еще мечта... оставить наследника по себе» (Шмелев, 1998б, с. 127). Жизнь Мартына Прокофьича и его

супруги Елисаветы Михайловны, двадцать лет проживших в браке и не имевших детей, сопоставляется с новозаветной историей пророка Захарии и праведной Елисаветы. На двадцать первый год супружества у героев Шмелева появляется «Божий дар» — Федичка. На одной из картин Пинькова мальчик изображен спящим в корзинке в винограднике на даче Любачей. Федичка так свыкся с виноградником, что не мог без него жить. И когда стало все больше грабителей, желавших получить то, что не ими выращено, стал Федичка охранять родной семейный виноградник. Закричал, увидев грабителей, стал спасать урожай, и получил мощный удар кулаком в грудь. В результате — острый туберкулез. Федичка чах, все слабел и слабел, и через два года помер. Только на могилу Федички отдает Пеньков свой крест, который никому не отдавал, храня память о Маше, попросив, однако, чтобы надпись на нем «Мария Хлебникова, крестьянка, 23 лет, злодейски убита штыком в сердце, в ночь на 20 февраля 1918 года» (Шмелев, 1998б, сс. 125, 130) не стирали, а покрасили — крест этот станет памятью о двух загубленных жизнях.

К пугающим своей безысходностью обобщениям приходит Пеньков, не надеявшийся, как некоторые из его соседей, на *них*, на *тех* — на Европу. «Убитая моя Маша, и забитый Федичка, и убитые старики, и всё побитое, втопанное безкредно в землю, с издевкой и злобой втопанное, и *теми*, принятое, как дешевый товар обменный, — для них то, для них-то, говорю, дешевый, репа пареная! всё для меня предстало как страшный образ не-заполняемой пустоты, ничем неоплаченной издевки. Во — *имя чего?!* Это надо решить особо, иначе не стоит быть» (Шмелев, 1998б, с. 129–130).

О жизни в маленьком городке на побережье идет речь и в другом произведении Шмелева — «Стенька рыбак (Рассказ доктора)». Его герой «года четыре выслужил в земстве, приобрел практику, женился, выстроил чудесную у моря дачу, словом — стал обеспеченным буржуем» (Шмелев, 1999, с. 280). Постройка дачи для него — человека, приехавшего в Крым для лечения, но оставшегося там, «укрепившегося», — важное событие, свидетельствующее об успехе в делах, о приобретенном статусе. Уже нет необходимости арендовать комнату или дачу, появилась возможность обустроить пространство для себя и для своей семьи, жить на своей даче. Врачебная практика, женитьба, дача у моря; при доме виноградник, сад с грушами и яблонями, цветы (розарий) — вот тот минимум, который позволяет человеку почувствовать себя успешным.

Продолжение этого рассказа — «Однажды ночью (Рассказ доктора)» (1936). Приближались красные, можно было эмигрировать, однако было то, что связывало героя с пространством Алушты. «Я мог уехать. Но пораздумал: Риночка в гимназии в Симферополе, у тетки... да и жаль стало дачки, сада... жаль стало и милых дураков своих... Остались» (Шмелев, 1999, с. 288). Но пришли новые люди, в том числе товарищ Ярый, которому не смог противостоять заступник главного героя — находившийся во власти Сенька. Дачка, которая для сохранения собственности и самой жизни доктора стала называться медицинским пунктом, реквизируется. Товарищ Ярый командует: «по мандату, назначаю дачу под морской пункт, а гражданина возрождателя перевести *под дачу!*» (Шмелев, 1999, с. 289). В морском пункте поселились матросы, первым делом зарезавшие единственную корову и выселившие хозяина в пристройку. Прошло

некоторое время, при очередном обыске нашли документы «Общества возрождения России», председателем которого был доктор, и отправили его под арест. Большинство арестованных — владельцы дач: «Там уже сидело пятеро: старик педагог, писавший о языке Ломоносова, дачевладелец; дрогаль, избивший чекиста за своих коней; винодел, не выдавший вина без ордера чекистам, и два старичка дачевладельца, не сдавшие оружия — дробовиков, пугать на винограднике дроздов» (Шмелев, 1999, с. 291). Благодаря Сеньке и счастливому стечению обстоятельств доктора отпускают.

Рассказ Шмелева «Музыкальное утро» (1923; из «Крымских рассказов») посвящен тому периоду, когда Крым был заполнен тысячами беженцев из различных губерний. «Не было здесь ни груш, ни винограда. Стояла в Крыму зима, какую никто не помнил. Густые тучи завалили солнце, в горах сыпало снегом, на берегу лили ливни. Море было свинцово, строго, — швыряло пену» (Шмелев, 1999, с. 78). Всюду ощущалось запустение: «Дрозды, с оранжевыми носами, давались в руки, совались в пустые дачи. Голубые сойки шарахались по кипарисам. Жалобно блеяли отары, выли овчарки, и растерявшиеся чабаны жгли на горах костры» (Шмелев, 1999, с. 79). Единственное, что связывает настоящее с будущим, — это дети, ради них имеет смысл что-либо делать. И учительница музыки устраивает музыкальное утро «Дети — жертвы войны — детям». Место проведения концерта — городской дом «Ялы-Бахча», а также другие упоминаемые в рассказе топонимы позволяют установить, что действие происходит в Алуште (там была гостиница «Ялы-Бахча»).

Во второй половине 1920-х гг., когда многие раны, нанесенные Гражданской войной, уже не были столь заметны, как прежде, на даче Сергеева-Ценского бывали в гостях А.С. Новиков-Прибой, А.В. Перегудов, П.А. Ширяев, П.Г. Низов и Н.Н. Никандров. «Живя в Крыму летом 1928 года, — вспоминал один из участников тех встреч, — мы несколько раз встречались с Сергеевым-Ценским. Он <...> приглашал к себе на дачу. Между нами все больше и больше находилось “точек соприкосновения”, возникала дружба» (Перегудов, 1969, с. 544.). В июле 1928 г. в Алушту к Сергееву-Ценскому приезжал М. Горький, но не застал писателя дома — их первая встреча состоялась в Ялте в гостинице «Марино». Сергеев-Ценский в мемуарном очерке «Моя переписка и знакомство с А.М. Горьким» (1936) отмечал:

«...кто-то, запыхавшийся, прибежал ко мне и выпалил:

— А там же, в Алуште, вас ищет сам Максим Горький! <...>

— По-видимому, ваша дача — миф, — говорил он <Горький> мне. — Кого мы ни спрашивали в Алуште, где ваша дача, — никто не знал.

— В этом и заключается моя жизненная задача, — отвечал я шутливо. — Кажется, Дидро принадлежат слова: “Только тот хорошо прожил, кто хорошо спрятался”. Не затем, конечно, чтобы оправдать это изречение, спрятался я, но несомненно, что эта игра в прятки послужила мне большую службу» (Сергеев-Ценский, 1967, сс. 238, 250).

В разные годы на литературной даче Сергеева-Ценского бывали А.С. Серафимович, К.И. Чуковский, С.Я. Маршак, П.А. Павленко, К.А. Тренев и другие писатели (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 5).

При Сергееве-Ценском некоторые из уцелевших и национализированных дач Профессорского уголка были объединены в дом отдыха, впоследствии — санаторий «Рабочий уголок», который затем вошел в состав санатория «Морской уголок». В

других районах Алушты в самых просторных национализированных дачах, имениях и пансионатах располагались дома отдыха, санатории, детские дома и другие учреждения.

В «Дневнике поэта» С.Н. Сергеев-Ценский записал:

Вторая Родина моя —
Алушты край уединенный...
Полвека здесь я, в ширь влюбленный,
Читаю книгу бытия (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 16).

Почеркнем, что уже в первые годы дачной жизни в Крыму Алушта становится для Сергеева-Ценского литературным ландшафтом. Он сообщил 31 января 1914 г. А.Г. Горнфельду: «Алуште посвящены <...> “Улыбки” <...>. В “Преображении” я синтезирую свои Крымские впечатления, преломляя их в сюжет несколько м. б. рискованно с точки зрения правоверного реализма, но для моей задачи удобным» (Хворова, 2018: 18); позже писал своим корреспондентам, что на даче написано около пяти томов «Крымских рассказов». Со временем крымская дача стала для Сергеева-Ценского единственной творческой мастерской — 23 февраля 1931 г. он писал В.В. Вересаеву: «Уезжать же из Алушты, точнее, из своей мастерской, для меня значит перестать быть писателем, значит, перестать жить» (Хворова, 2018, с. 118).

В то время, когда Сергеев-Ценский только обустроивал свою дачу, в 1906 г., в Алуште — «самом тихом из крымских городов» — впервые побывал К.Г. Паустовский: «Каменистая земля, пахучие заросли туи, пустое море и далекие Судакские горы — вот все, что окружало нас в Алуште. Больше в Алуште ничего не было. Но и этого было достаточно, чтобы я постепенно примирился с Алуштой и полюбил ее» (Паустовский: 1982, с. 129), — вспоминал он на склоне лет в первой книге «Далекие годы» «Повести о жизни». Жили Паустовские на даче, расположенной недалеко от моря, в том же доме размещались и другие дачники.

Паустовский вспоминает детали быта, соседей, посещение виноградников, пишет о том, что, простудившись и заболев воспалением легких, прожил на алуштинской даче всю осень, прервав из-за этого учебу в Киевской первой гимназии. Именно к этому времени, когда в период выздоровления ему уже можно было гулять вдоль холодного моря, относятся его первые литературные опыты. И именно здесь он узнает, что такое настоящая любовь. Позже, в тяжелое время Первой мировой войны, приятно было, «закрыв глаза, думать» о тех памятных днях: «О том, как шумит, не затихая, море и трещат в сухих горах цикады. Об осеннем вечере в Алуште, когда слетали с платанов большие желтые листья. О веселой девочке, которая бежит навстречу. О стихах. И еще бог знает о чем, таком же далеком от войны и не совсем ясном» (Паустовский, 1982, с. 382).

Описание очаровавшего его города Паустовский дал в финальной части рассказа «Лихорадка» (1924), первоначально публиковавшегося под заглавием «Минетоза» (такое название имел и авторский сборник писателя 1927 г.). Русский инженер Миронов после работы на плантациях в Бразилии, откуда с трудом выбрался, оказывается в советской России и приезжает в Алушту:

«В Крыму Миронов жил около Алушты в пустынной даче на берегу.
Был сентябрь. Желтели магнолии, на коричневых сухих виноградниках весь день лаяли привязанные у шалашей собаки. Доносились гортанные голоса сторожей, и снова в

осенней тишине, в неторопливых днях блистало море, шуршали на пляже крабы, и ржавые водоросли путались в ногах. Вода стала жгучей и крепкой, как йод» (Паустовский, 1983, с. 31).

Совсем иначе — темной ночью — промелькнет Алушта в романе Паустовского «Дым отечества» (1944), действие которого происходит в период Великой Отечественной войны. В Алуште, недалеко от берега, остановился корабль, идущий из Одессы в Мариуполь. Дачные контексты здесь не раскрываются, однако Алушта играет важную роль в судьбе одного из героев романа — писателя Лобачева — именно здесь на борт корабля поднялась поэтесса испанка Мария Альварес (Паустовский, 1981, сс. 2, 431) — за ней, ослабленной болезнью, Лобачев будет преданно ухаживать и сопровождать до алтайской Белокурихи.

Вероятно, в предвоенной Алуште Паустовский познакомился с Сергеевым-Ценским. 17 апреля 1939 г. он писал жене В.В. Навашинной из Ялты: «На днях поеду с Дерманом на два-три часа в Алушту к Сергееву-Ценскому. Говорят, он очень интересный, но нелюдимый человек» (Паустовский, 1986, с. 168), а 23 апреля рассказывал, что побывал в городе.

В тот период созидательная деятельность на даче дала ощутимые плоды: Сергеев-Ценский «вокруг дома большим полукольцом посадил розы, создал цветники, на которых пышно разрастались георгины, канны, хризантемы и другие цветы. В фруктовом саду под обильным урожаем гнулись ветви яблони ренета, черешни, ярко алели вишни, рано созревали груши» (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 62).

Вернувшись 3 августа 1944 г. из эвакуации, писатель посвятил полуразрушенной Алуште поэтические строки:

... Здравствуй, море! В разлуке с тобою
Я провел полтысячи лет!
Меньше: — Может быть, меньше... Не скрою,
Иногда неточен поэт.
.....
Здравствуй, берег! Как стал ты изжеван
Ненавистой пастью войны!
Ты теперь не в оковах, — раскован,
Зарастешь, — подожди до весны! (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 46).

Фашисты вырубili больше, чем наполовину, сад, и 1945–1947 гг. ушли на его восстановление. За этот период, как писал Сергеев-Ценский Е.А. Федорову в апреле 1953 г., было посажено «около 500 штук кипарисов, персиков, абрикосов, вишен и не менее ста миндальных деревьев и груши деканки» (Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский, 1965, с. 62).

Литературные ландшафты Алушты и ее окрестностей частично сохранены благодаря созданию на дачах, где жили, работали и встречались с гостями, в том числе писателями, Сергеев-Ценский, Шмелев и Паустовский, литературно-мемориальных музеев. Медленное чтение их произведений в тех местах, где они были написаны, в ландшафтах, связанных с развитием сюжета, всегда представляет особый интерес.

Проведенный анализ показывает, что за первую половину XX в. «крымский

текст» претерпел существенные изменения. Если до начала Гражданской войны Крым воспринимался как пространство, которое успешно осваивается жителями Центральной России для организации отдыха и творчества, то в период этой войны и вскоре после нее именно это событие оказывает определяющее влияние на восприятие Крыма. Позже «крымский текст» дополнили события Великой Отечественной войны. Со временем акценты снова меняются — все большее внимание уделяется мирным периодам истории полуострова.

REFERENCES

- Hvorova, L.E., Belousova L.A. (1999). Eshhe ob odnom neizvestnom rasskaze S.N. Sergeeva-Censkogo. (Problematika, hudozhestvennoe svoeobrazie rasskaza «Pavlin»). *Kul'tura russkoj provincii*, 3 (ss. 51–57). Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet im. G.R. Derzhavina.
- Hvorova, L.E. (2018). *Potaennyj S.N. Sergeev-Censkij: neizdannye pis'ma 1910–1930 godov i nauchnyj kommentarij k ego tvorčestvu*. Elec: Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina.
- Karagodin, A.V. (2020). Kul'turnyj landshaft kak veshhestvennyj istoričeskij istochnik (na primere dach, dachnyh poselkov i parkov nachala XX v. na Juzhnom beregu Kryma. *V Rol' veshhestvennyh istočnikov v informacionnom obespečenii istoričeskoj nauki*, 560–573.
- Krasnoluckij, A.Ju. (2020). *Juzhnyj bereg Kryma: Istorija imenij i dach s 1783 po 1920 god*. SPb.: Kriga.
- Novejšij putevoditel' po Krymu (1912). *Neobhodimye svedenija dlja turistov i priezhhih bol'nyh*. Evpatorija: Z.B. Kaganovich i K°.
- Paustovskij, K.G. (1981). *Sobranie sočinenij: v 9 t. T. 2*. M.: Hudozhestvennaja literatura.
- Paustovskij, K.G. (1982). *Sobranie sočinenij: v 9 t. T. 4*. M.: Hudozhestvennaja literatura.
- Paustovskij, K.G. (1983). *Sobranie sočinenij: v 9 t. T. 6*. M.: Hudozhestvennaja literatura.
- Paustovskij, K.G. (1986). *Sobranie sočinenij: v 9 t. T. 9*. M.: Hudozhestvennaja literatura.
- Peregudov, A.V. (1969). *Roman. Rasskazy. Vospominanija*. M.: Moskovskij rabochij.
- Sergeev-Censkij, S. (1928). Pavlin (Rasskaz). *Krasnaja nov'*, 10, Oktjabr', 32–66.
- Sergeev-Censkij, S.N. (1967). *Sobranie sočinenij: v 12 t. T. 4*. M.: Pravda.
- Shevcov, I.M. (1963). *Orel smotrit na solnce (O Sergeeve-Censkom)*. M.: Molodaja gvardija.
- Shmelev, Iv. (1914). *Rasskazy: v 8 t. T. IV*. M.: Knigoizdatel'stvo pisatelej v Moskve.
- Shmelev, I.S. (1998a). *Sobranie sočinenij: v 5 t. T. 1*. M.: Russkaja kniga.
- Shmelev, I.S. (1998b). *Sobranie sočinenij: v 5 t. T. 2*. M.: Russkaja kniga.
- Shmelev, I.S. (1999). *Sobranie sočinenij: v 5 t. T. 7 (dop.)*. M.: Russkaja kniga.
- «Zhizn' v osnove svoej ser'ezna» (2012). Iz vospominanij S.N. Sergeeva-Censkogo 1950-h gg. ob I.S. Shmeleve / vstupitel'naja stat'ja, podgotovka teksta k publikacii i kommentarii S.D. Voronina. *Otechestvennyje arhivy*, 5, 98–107.
- Zdes' zhil i rabotal S.N. Sergeev-Censkij* (1965). Putevoditel' po Gosudarstvennomu literaturno-memorial'nomu muzeju S.N. Sergeeva-Censkogo v Alushte. Simferopol': Krym.

- «Жизнь в основе своей серьезна» (2012). Из воспоминаний С.Н. Сергеева-Ценского 1950-х гг. об И.С. Шмелеве / вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии С.Д. Воронина. *Отечественные архивы*, 5, 98–107.
- Здесь жил и работал С.Н. Сергеев-Ценский (1965). *Путеводитель по Государственному литературно-мемориальному музею С.Н. Сергеева-Ценского в Алуште*. Симферополь: Крым.
- Карагодин, А.В. (2020). Культурный ландшафт как вещественный исторический источник (на примере дач, дачных поселков и парков начала XX в. на Южном берегу Крыма). *Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки*, 560–573.
- Краснолуцкий, А.Ю. (2020). *Южный берег Крыма: История имений и дач с 1783 по 1920 год*. СПб.: Крига.
- Новейший путеводитель по Крыму* (1912). Необходимые сведения для туристов и приезжих больных. Евпатория: З.Б. Каганович и К°.
- Паустовский, К.Г. (1981). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2*. М.: Художественная литература.
- Паустовский, К.Г. (1982). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4*. М.: Художественная литература.
- Паустовский, К.Г. (1983). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6*. М.: Художественная литература.
- Паустовский, К.Г. (1986). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9*. М.: Художественная литература.
- Перегудов, А.В. (1969). *Роман. Рассказы. Воспоминания*. М.: Московский рабочий.
- Сергеев-Ценский, С. (1928). Павлин (Рассказ). *Красная новь*, 10, Октябрь, 32–66.
- Сергеев-Ценский, С.Н. (1967). *Собрание сочинений: в 12 т. Т. 4*. М.: Правда.
- Хворова, Л.Е., Белоусова Л.А. (1999). Еще об одном неизвестном рассказе С.Н. Сергеева-Ценского. (Проблематика, художественное своеобразие рассказа «Павлин»). *Культура русской провинции*, 3 (с. 51–57). Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.
- Хворова, Л.Е. (2018). *Потаенный С.Н. Сергеев-Ценский: неизданные письма 1910–1930 годов и научный комментарий к его творчеству*. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
- Шевцов, И.М. (1963). *Орел смотрит на солнце (О Сергееве-Ценском)*. М.: Молодая гвардия.
- Шмелев, Ив. (1914). *Рассказы: в 8 т. Т. IV*. М.: Книгоиздательство писателей в Москве.
- Шмелев, И.С. (1998а). *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1*. М.: Русская книга.
- Шмелев, И.С. (1998б). *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2*. М.: Русская книга.
- Шмелев, И.С. (1999). *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (доп.)*. М.: Русская книга.